

Важно понимать, что выполнять подъемы корпуса вниз головой и лежа — это совершенно разные вещи. Особенно учитывая, как долго этот человек продолжал выполнять упражнение, сохраняя идеальную технику. Это казалось почти невероятным.

Когда Лю Ян снова поднялся, он остановился, обхватил колени руками и внимательно наблюдал за тем человеком.

Один, два, три... тридцать... сорок...

С каждым увеличением числа Лю Ян невольно приоткрыл рот.

Это уже слишком, разве это возможно?

Человек, казалось, почувствовал его взгляд и посмотрел в сторону Лю Яна.

Свет из-за двери был настолько ярким, что падал на него, словно он находился в пламени, окруженный красноватым свечением. Его глаза, как алмазы, сверкали в этом огне.

Лю Ян на мгновение замер, но затем, сжав губы, продолжил свои тренировки.

На этот раз он делал упражнения медленно, один подъем за две секунды. При опускании делал глубокий вдох, а при подъеме выдыхал. Это была техника, которую должен освоить каждый спортсмен, работающий на выносливость.

Вокруг было тихо, только его дыхание нарушало тишину. В глазах мелькали одни и те же образы: вверх, вниз, снова вверх. Пот капал со лба на одежду, на мат. Волосы были мокрыми от пота, руки скользили по затылку, а в нос ударял резкий запах соленого пота, нагретого горячим воздухом.

Тишина.

Мысли унеслись далеко.

Он вспомнил тот момент, когда мать стояла рядом с ним, а наставник Чжао сидел напротив. Его лицо было мрачным, а рука, лежащая на столе, сжата в кулак.

Он плакал, обняв мать за талию.

Лицо матери было еще молодым, без морщин, но на нем читалась тревога. Она крепко прижимала его голову к себе, словно хотела вобрать его в себя.

Он услышал ее голос, доносящийся сверху:

— Если ребенок больше не хочет заниматься, пусть бросает.

Затем картина разбилась на миллионы осколков, искажая его лицо, превращая его в черных бабочек, порхающих в воздухе.

Он очнулся, словно упав с высоты, с громким стуком упал на мат, тяжело дыша. Руки, сжимающие затылок, вцепились в короткие волосы так сильно, что казалось, он вот-вот вырвет их.

Нельзя так, нельзя сдаваться. Нужно найти решение, обязательно.

Он схватил рюкзак и выбежал из зала.

В тренажерном зале за его спиной тот человек продолжал свои тренировки, словно он был там один.

В комнате все трое спали, лежа на своих кроватях, под опущенными москитными сетками. Тихий звук дыхания заполнял небольшое пространство.

Звук открывающейся двери разбудил их. Ли Ипэн приподнял сетку и выглянул, лицо его выражало раздражение от того, что его разбудили.

Лю Ян извиняюще улыбнулся ему, подошел к кровати Ван Ясиня и постучал по сетке:

— Ты не спишь?

Изнутри не последовало ответа, но сквозь тонкую белую ткань можно было увидеть, как человек повернулся к стене.

Лю Ян заглянул внутрь, где пахло дезинфицирующим средством, и ткнул его пальцем:

— Эй, ты же не спишь, поговорим?

Ван Ясинь продолжал лежать, как мертвый.

— Я пришел извиниться, правда, искренне. Не игнорируй меня.

— Прости, я перестарался.

— Эй, ответь, я знаю, ты не спишь.

— Все еще злишься? Давай, бей меня два раза, ладно? Не будь таким.

— Что ты делаешь, свернулся в клубок? Ты же пловец, зачем ты превращаешь себя в креветку?

— Ван Ясинь, Ясинь, маленький Ясинь...

— Хватит, ты меня тошнишь. Ты не ел, а я уже сыт, — вставил Ли Ипэн.

Лю Ян проигнорировал его и продолжил свои слащавые извинения:

— Маленький Ясинь~ не злись, пожалуйста. У меня крепкая голова, стукни меня два раза, ладно? Или хочешь, я найду тебе кирпич?

— Ладно, ладно, я понял твою идею. Отныне я буду стоять за тебя в очереди за едой, ладно? Я отберу у тех сборников их утиные ножки.

— И это не подходит? Тогда, может, в выходные, когда мы получим деньги от наставника Чжао, я угощу тебя? Что хочешь? Хочешь хого, шашлычки? Ладно, ладно, угощу тебя лучшим хого, но не ешь слишком много, ты же знаешь, сколько ты съедаешь. Если переешь, оставлю тебя там.

— Не дрожи. Ладно, я сам останусь, если что.

— Ты же смеешься, да? Я вижу, не притворяйся, ты уже не сможешь скрыть это.

— Ты терпелив, думаешь, я не замечу твою дрожь? Ладно, тогда я пойду ва-банк.

Лю Ян сделал паузу, прочистил горло и слащаво посмотрел на спину Ван Ясиня.

— Ван Ясинь, я извиняюсь перед тобой, искренне, от всего сердца. Я готов в снегу на улице, голым, кататься 365 раз, умоляя о твоём прощении. В самый жаркий день года я надену шубу, буду танцевать стриптиз и петь: «Я виноват, я виноват, я виноват...»

— Хватит, ты меня тошнишь, хочешь, чтобы я летом простудился? — Е Шувэнь выглянул из-под сетки, широко улыбаясь, но его лицо было искажено от смеха. — Эй, Ван Ясинь, ты заходишь слишком далеко. Если не ответишь, я спущусь и надеру тебе задницу.

Лю Ян, услышав это, с облегчением вздохнул — наконец-то он вытащил его из раковины.

Взрослые и дети, когда слышат извинения, всегда испытывают некоторую обиду. Они могут внешне принять извинения, но внутри все равно остаются недовольными. Особенно дети — чем больше извинений они слышат, тем больше они думают о том, как их обидели, и перекладывают всю вину на другого.

В обычной ситуации, после извинений перед Ван Ясином, его мысли не имели бы значения. Если бы они продолжали общаться, этот барьер постепенно бы исчез.

Но Лю Ян не мог ждать. Возможно, завтра его уже вызовут к наставнику, и до этого он должен был уладить ситуацию с Ван Ясином.

По дороге он много думал. Сначала он думал о наставнике Чжао, но, учитывая психологию ребенка, возможно, после разговора с наставником Ван Ясинь почувствовал бы себя еще более обиженным, считая, что наставник предвзят, а он сам хитер. Потом он понял, что времени на это нет, и в итоге решил втянуть Е Шувэня, так как в глазах Ван Ясиня он был другом и лидером, чьи слова имели вес. Это не оставило бы осадка, и что более важно, Ван Ясинь не стал бы слишком много думать, ведь он, считая себя настоящим мужчиной, молодым и полным сил, вряд ли стал бы произносить такие слащавые слова, которые вызывали отвращение у других и у него самого.

Лю Ян, хихикая в душе, убрал голову из-под сетки и сделал несчастное лицо, продолжая слащаво говорить Е Шувэню:

— Шувэнь... помоги мне, я действительно искренен, особенно когда вижу травму Ясиня, мое сердце сжимается от боли. Пожалуйста, если он не простит меня, я умру от сердечной боли...

— Блевать тянет, — сказал Ли Ипэн.

— Да ты издеваешься, — сказал Е Шувэнь.

— Кто тебе разрешил называть меня Ясином! — выкрикнул Ван Ясинь.

Лю Ян моргнул, заставив глаза наполниться влагой, и смотрел на Ван Ясиня с таким выражением, будто готов был вынуть свое сердце и сказать: «Мое сердце, я знаю, мне больно».

Ван Ясинь, увидев его лицо, снова задрожал, а затем взорвался смехом:

— Ты просто невыносим! — Он уткнулся лицом в подушку и захохотал.

— Что? Что? — Ли Ипэн, не видевший всего этого, вскочил с кровати и подбежал к Лю Яну, чтобы лучше рассмотреть.

Но к тому времени Лю Ян уже вернулся к своему обычному выражению лица и спокойно смотрел на него.

Один раз опозориться достаточно.

Если кто-то спросит, улучшились ли отношения Лю Яна с Ван Ясином после его полного самопожертвования, Лю Ян первым кинется бить этого человека.

— Что?

— Ты думаешь, это как на рынке?

— Сколько стоит капуста?

— Два юаня? Дорого.

— Не снизишь? Ладно, везде по одному юаню, оставь себе.

— Разве так бывает? Разве так бывает?

— Он ведь ударил его по голове, а не пощекотал, чтобы все закончилось смехом.

Поэтому, когда они шли на занятия после обеда, Лю Ян стоял с тремя другими парнями из комнаты. Е Шувэнь и Ли Ипэн были в середине, он прижался к Е Шувэню, а Ван Ясинь — к Ли Ипэну. Они стояли через двух человек, но Лю Ян был рад.

Иногда Ван Ясинь поворачивался к нему, делая детское выражение лица, морща нос и косясь на него, и Лю Ян улыбался в ответ.

<http://bllate.org/book/16608/1518541>